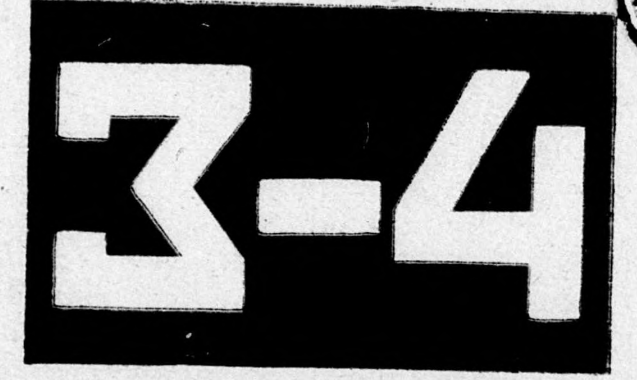
Ц. 90 к.

РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ

ДВУХМЕСЯЧНИК КУЗНИЦЫ

1 9 2 4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ОБЩЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ДВУХМЕСЯЧНИК

КУЗНИЦЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ — ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1924

вые ростки его. Они воспитывают и учат нашего читателя. Но Вы — не только писатель: Вы и — политик. Вы — достойный член коммунистической семьи. Вот почему мы, пролетарии Красной Пресни, а вместе с нами и весь наш Советский Союз, гордимся Вами и братски желаем Вам много сил и здоровья для дальнейшей, полезной для нашего народа, работы.

«Да здравствует наша пролетарская литература и ее лучший представитель, тов. А. С. Серафимович!»

VI

А вот — делегация от детей.

Подношение:

1) От Труд. школы № 2 Моск.-Каз. ж. д. — тетрадь большого формата, с богато иллюстрированным и переложенным в стихи самими детьми рассказа Серафимовича «Никита».

В конце — протокол детей о коллективном творчестве: подробно указано, кому из детей принадлежит каждый стих, фраза, рифма, отдельное слово, или целая строфа. Надпись: «Сочинили ученики IV гр. 23 — III — 24, в День Красной Армии».

2) От III гр. той же школы — тетрадь с иллюстрациями, исполненными детьми, к рассказу «Медвежатник».

3) Коротенький адрес:

«Первомайский привет от 2-го Распределителя — на память писателю А. С. Серафимовичу от беспризорных детей. 6 — V — 24».

На листе—рисунок: лицо ребенка в лире, исп. самими детьми.

VII

А. С. посещает VII Детскую Трудовую Коммуну № 15. Дети подносят ему адрес, написанный собственными руками, немножко безграмотный, но богато украшенный в тексте разными чернилами:

«Писателю-коммунисту А. С. Серафимовичу.

«Мы, дети Трудовой Коммуны № 15 имени Землячки, приветствуем товарища Серафимовича, который является одним из пролетарских писателей, отдающим свой творческий труд на пользу всему народу.

«Тов. Серефимович, не одна мозолистая рука крестьянина и рабочего брала в руки твои произведения и зачитывались ими. И не они ли вызывали в нем отвращение к тяжелой доле и стремление к новой жизни? Они служат и до сих пор путеводительным огоньком к новому миру. В своих произведениях Вы, как прожектором, осветили всю гнилость капиталистического строя, с его разрушениями, цепями и тюрьмами. Тов. Серафимович, для нас Ваши произведения — зеркало и отражают то проклятое прошлое. И наша задача теперь — тщательно знакомиться с твоими произведениями, изучая их.

«Благодарим Вас за посещение, которое безусловно оставит неизменно память в наших юных сердцах».

VIII

Делегация от *бедноты* Горской С. С. Р. вручила А. С. портфель из кожи. На серебряной арматуре — гравированный портрет В. И. Ленина и надпись:

«Пролетарскому писателю А. С. Серафимовичу к 35-летнему юбилею литературной деятельности от бедноты Горской С. С. Р.».

Так справляется настоящий юбилей пролетарского писателя, органически и неразрывно связанного с рабочим классом.

К этим ценным документам прибавить нечего.

* * *

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. ПЧЕЛИНЦЕВ

МИХАИЛ ВОЛКОВ

Литературный портрет

Волкову стараются прилепить ярлык крестьянского писателя, подменяя тематическое содержание идеологическим.

Что такое крестьянский писатель?

Это писатель, выражающий идеологию крестьянства.

Но крестьянство сейчас расслоилось на две основных группы, имеющих каждая свою, весьма отличную друг от друга характерную идеологию.

Первая группа — крестьянство с идеологией антиреволюционной, антигородской, мелко-собственнической, с неизбежно сопутствующими атрибутами прошлого: религиозным мистицизмом, суеверием и т. д. Ярким выразителем такой обреченной на умирание идеологии является «Пророк» и «Хулиган» — Сергей Есенин.

Вторая группа — с идеологией революционной, созвучной отчасти идеологии революционного пролетариата. Отношения этой группы к первой группе крестьянства не носят характера точного разрыва, а к пролетариату определяются, как *смычка*.

Это промежуточное положение накладывает на идеологию второй группы печать неопределенности.

Поэтому и писатели, выражающие эту идеологию, как, напр., Жуков, Яровой и среди поэтов отчасти И. Доронин, вынуждены постоянно увязать в неясных самоопределениях.

У Волкова же вполне отчетливая идеологическая физиономия.

В противоположность Есенину, проклинающему «стального жеребца» городской культуры, он благословляет «электрического жеребца», проскакавшего с революцией в поля (рассказ «Летропикация»); он зло надсмехается над старой «дубовой» Русью, сидящей на столетьями насиженной плесени с ее патриархальным мистическим мировоззрением (цикл сказок «Райское житье»).

В противоположность писателям смычки, беря деревенские темы, он преломляет их сквозь призму пролетарской идеологии. Основная тема Волкова — столкновение двух культур, патриархально - деревенской и городской — пролетарской, революцией рожденной.

С иронической легкой усмешкой рисует он уходящую Пошехонскую Русь. Шкура у этой Руси дубовая — дубиной не проймешь.

Но революция расшевелила дубье. Зачесало «дубье» затылки и — хочешь не хочешь — приняла в гости новую бодрую вперед идущую Русь.

Эту последнюю Волков дает схематически, намечая лишь общие контуры.

В рассказе «Болото» символически намечены эти *две Руси*.

Пеньковцы, осевшие жить на болоте, где «кикиморы по хляби ныряют» — это старая Русь. Куземка, единственный изо всей Пеньки доброволец красноармеец, в конце рассказа уходящий из болота от непонявших его пеньковцев и шагающий с котомкой за плечами по

твердой земле туда «вперед, где просвет просеки» — это новая Русь, в революционной борьбе выковавшая волю, идет уверенным шагом по твердому пути вперед к коммунистическому будущему.

Несмотря на отрицание старой деревни, для нее иногда находится у Волкова полузадушевный, полужалостливый и вместе с тем слегка насмешливый тон («Чудо», «Петушок» и т. п.).

Берет Волков и городские темы. В них острее обнажается его сатирическая жилка.

К городу подходит он, главным образом, как сатирик.

Сатира Волкова это боевая сатира, одинаково безжалостная ко всему уродливому как у себя, так и в стане врагов.

В «Героях» и «Волчьем Зубе» перед нами дореволюционная — военной эпохи буржуазия, самоуверенная, алчная, ханжеская.

В «Веселых рассказах» — буржуазия эпохи НЭП, жиреющие нэпманы, не верящие в «сказки о поволжском голоде».

В рассказе «Души» и «Агитаторы» — перед нами проходят «партийцы» и «комсомольцы».

Вот уездный городишко, задыхающийся от бессмысленного бюрократизма и волокитства, процветающего благодаря таким «столпам» вроде бывшего купца Силина, примазавшегося к коммунистической партии.

Вот маменькины дочки и сынки из интеллигентского комсомола, говорящие с мужиками на интеллигентском языке.

Заслуга художника состоит в том, чтобы заметить и отразить то или иное характерное явление, и так или иначе на него реагировать.

Теперь купцы Силины вышвырнуты из партии, а комсомольцы, подобные выведенным в «Агитаторах», вычищены и вычищаются.

И несомненно, что сатира Волкова сыграла свою роль.

В подобной сатире нуждаются особенно наши дни, когда революционный быт изломан, когда нарождается обывательско - интеллигентская сатира, с хитреньким самодовольным смешком и ужимочками стоящая себе в сторонке и втихомолку поплевывающая на революцию.

*

Формальная генеалогия Волкова по восходящей линии такова: Гоголь (?), Лесков, Ремизов.

Сконденсировав и преодолев в себе все близкие его творческой природе элементы названных предков (гиперболизация, сказ, насыщенность образа, сочетание лирической и сатирической струи др.), Волков выявляет свой индивидуальный стиль, свои приемы, свой словесный материал и т. д.

Стиль его отличается строгою простотой. Это не вульгаризация, не упрощенность, а та подлинно художественная простота, которая достигается тонким чутьем и большими усилиями над собой.

У Волкова можно легко различить две основных стилистических струи, вызванных к жизни двумя культурами, отображенными в его творчестве — городской и деревенской.

Темп деревенской жизни — медленный. Поэтому стиль деревенских рассказов в общем плавнее, спокойнее городских. Подчас встретишь такое медленное периодическое предложение: «Плачет болото ржавыми слезами и всхлипывает под ногой словно молодайка, которой разокураженный муж заехал в зубной частокол».

Деревня живет сказками-небылицами, творит поговорки, частушки, пословицы.

Эта особенность деревенской культуры находит у Волкова оформление в следующих стилистических приемах: 1) в приеме поговорок, пословиц («ведь у бабы язык — жало змеиное», «тяжко живется мужику на земном веку»), 2) зацепистых словечек («дядя Ерофей такую словягу загнул»), характерного деревенского сказа («инда весь мир обухом оглушил», «вдругорядь спросит»), 3) былинно сказочного стиля («и говорит Егоровна таковы слова») и т. д.

За образами и сравнениями, которыми оперирует Волков, встают бытовые особенности деревни: «Вышел на заваленку Старый Вечер, закурил трубочку и ну попыхивать», или «дьячок горох по полу сыплет — чтет часы», или «зима не плоше сварливой свекрови»...

Темп городской жизни кипучей, быстрей деревенского. Поговорки, пословицы здесь не в ходу. Здесь жизнь сухая, деловая. Здесь властвует язык докладов, телеграмм, документов, вывесок, речей. Все это резко меняет стиль городских произведений Волкова. Редеют описания. Предложения точные, отрывистые: «Платформа. Рельсы. Вагоны «40 человек, 8 лошадей», «Срочный возврат», «Вагон ледник». Рельсы. Вагоны.

Носилки. Санитары. Сестры. Врачи.

За счет описаний усиливаются диалоги. Диалогами написаны целые главы (напр., в рассказах «Герой» и «Волчий Зуб»).

В рассказы вводятся документы: расчетная книжка, газетная вырезка, декрет, об'явление, письмо и т. д.

Это разнообразие документов не носит случайный характер. Это живая органическая часть стиля: за ними пульсирует, движется жизнь.

Так экспрессия рассказа «О дугах» целиком построена на приеме документальной передачи фактов.

Изменяются также образы и сравнения, напр.: «из створок, подобно засидевшимся гулякам, выскакивают слова».

Как художник, остро чувствующий слово, Волков не может не отдать некоторой дани словотворчеству, однако, не увлекаясь им, не фетишизируя его, как это делают футуристы.

В его словотворчестве стихийном, непроизвольном не чувствуется натяжки, выдумки: «через леворуку», «Магдалина магдалинится», а «Марья Египетская совсем раз'египтилась».

Волков мастер отчетливый, тонкой чеканки.

Архитектоника его вещей математически точна, строга: перед нами механизм, откуда не выбросить самый незначительный винтик.

Сюжет развивается ясно, последовательно. Фабула не засоряется стилистическим шлаком.

Не через ухабы, паденья, скачки и взлеты, но по ровной дороге, восходящей все выше, идет Волков.

Он расчетливо взвесил свои силы и идет спокойным, уверенным шагом.

* * *

Т. ЧУРИЛИН

МУЗЕЙНАЯ РОССИЯ

(Об общественно-литературном журнале «Россия» № 1, Москва—Ленинград 1924, стр. 208).

Если наши красные литературно-художественные журналы, ежемесячники и еженедельники за обычай и правило приняли давать места у себя *инвалидам литературы*, пострадавшим от революции, превращая себя этим обычаем из органов современности *в дома отдыха*—то сменовеховский ежемесячник *«Россия»* пошел дальше—он устроил у себя или, вернее, из себя совершенно идеально организованный *музей* на предмет охраны «памятников искусства» и бывших (и сущих еще мертвенькими) «великих» людей. И революция *наша* помещена там в ее предшествовавшем великом *прошлом*, а по поводу *се-*